

ВАДИМ
ШЕФНЕР

РЯДОМ
С НЕБОМ

Государственное
Издательство
Детской Литературы
Министерства Просвещения
РСФСР

Ленинград · 1962

Р 2 ст

Ш 53

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Оформление Т. Цинберг

1

КАМНИ ПОД АСФАЛЬТОМ

Самосвал с дымящеюся лавою,
Выхлопов летучие дымки. . .
Словно тучи, грузно-величавые
Двигутся дорожные катки.

К вечеру залиют асфальтом улицу —
Скроются булыжины от нас.
Молча камни на небо любуются,
Видя белый свет в последний раз.

С «москвичами», «ЗИЛами», прохожими,
Зорями, рекламами кино,
С днями, друг на друга непохожими,
Им навек проститься суждено.

Я и сам за скорое движение,
В тряске я удобств не нахожу,
Я люблю асфальт, —
но с уважением
На каменья старые гляжу.

Много здесь поезжено, похоже
В давние нелегкие года,
Много в мостовую эту вложено
Горького, неизвестного труда.

Крепостным голодным было любо ли
Камни эти на горбу таскать!
Если бы не их булыга грубая, —
Нашему б асфальту не бывать.

Здесь рабочие за баррикадами,
Царский отражая батальон,
Замертво на эти камни падали,
Боевых не выронив знамен.

В их руках мозолистых, натруженных
Каждый камень яростью дышал —
Безоружных первое оружие,
Бунтарей булыжный арсенал!

В дни, октябрьским светом озаренныс,
К схватке изготоясь штыковой,
Шли матросы революционные
По булыжной этой мостовой.

И, шагая в бой по зову Партии
На защиту Родины своей,
Первые отряды Красной гвардии
Шаг свой отпечатали на ней.

Помнят ночи долгие, бессонные,
Голод, и блокаду, и войну
Эти камни, кровью окропленные,
Камни, не бывавшие в плену!..

Помнят ополчение всенародное,
Помнят, как по этой мостовой
Танки на позиции исходные
К недалекой шли передовой.

... Пусть, полна движенья, обновленная
Улица смеется и живет,
Пусть к Дворцовой площади колоннами
В праздники идет по ней народ.

Пусть поет и торжествует новое, —
Не столкнуть с пути нас никому!

Под асфальтом камни спят суровые,
Основаньем ставшие ему.

1958

РОДНОЙ БЕРЕГ

Да, я в детстве любил провожать
корабли,
Уплывающие на закат,
С побережья, где желтые дюны легли,
Где шершавые сосны шумят.

Много лет, много зим с той поры
протекло,
Много мест повидать я успел.
Не по-здешнему солнце мне спину пекло,
Не по-здешнему ветер гудел.

Далеко увозили меня поезда,
Уносили меня корабли, —

Но душой не уйти, не уплыть никуда
От своей, ленинградской земли.

В каждом месте по-новому даль хороша.
Пусть теплее и солнечней там, —
Но уедешь — и тайно тоскует душа
По родным, неуютным местам,

Где в тумане виднеются шпили вдали,
Где косматые сосны шумят,
Где я в детстве любил провожать
корабли,
Уплывающие на закат.

ЛЮБЛЮ КОРАБЛИ

Домов наших каменным стенам
Земная опора дана;
Фундаментом зыбким и пенным
Под килем лежит глубина.

Чтоб моря седые невзгоды
Людей разделить не могли, —
Все лучшее взяв от природы,
Воздвиг человек корабли.

Обшитым железною кожей,
Им вечно стремиться вперед, —
В конструкции мирные вложен
На грузы и грозы расчет.

Сквозит в очертаньях упрямых
Вся гордость и сила земли.
Нужней и прекраснее храмов,
Надежней дворцов — корабли.

1960

БАЛТИКА

Там, где кончается Ленинград,
Начинается море.
Пенные волны шумят
В белесом просторе.

С лодки взглядишься, — вдали
Различаешь ты мало-помалу:
Осторожно идут корабли
По морскому каналу.

А на другой стороне
Увидишь крылатые яхты,
Сосны в закатном огне,
Отмели Лахты.

Море... Лазури в нем нет,
Синим назвать его трудно.
Море покрашено в цвет
Военного судна.

Только тебе все равно:
Пусть не синее, не голубое —
Счастлив ты тем, что оно
Рядом с тобою.

1958

БЕЗЫМЯННЫЙ БУКСИР

Весеннею ночью туманной,
Минуя огни и мосты,
Буксир номерной, безымянный
Тяжелые тянет плоты.

Усталый, он дышит неровно,
Тревожен осипший гудок, —
Он должен сосновые бревна
Доставить по графику в срок.

И где-то у нового моря,
Где пахнут полынью холмы,

В пустынном, безлесном просторе
Возникнут дома до зимы.

И, может быть, в вечер осенний,
Пьянея теплом и вином,
Справляющие новоселье
Совсем и не вспомнят о нем.

Не вспомнят, что где-то сквозь темень,
Не званный на праздничный пир,
С плотами по водной системе
Идет безымянный буксир.

Пусть так. На людей не в обиде
Бессонный старик рулевой.
Весь мир ему с мостика виден,
И в нем он — участник живой.

Он в мире и жданный и званный:
Бессменной частицей труда
Навек он вошел, Безымянный,
В плотины, в мосты, в города.

Не мудрствуя и не лукавя,
Ведя свою жизнь по прямой,
Он знает, что счастье не в славе,
А просто в работе самой.

1957

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПОПОВУ

1

По тонкой невидимой нити,
По самой кратчайшей прямой,
Бессонные птицы событий
В приемник слетаются мой.

В техническом этом приборе
До крайности мир уплотнен —
Мгновенье от счастья до горя,
От смеха до стога — микрон.

Здесь правда, мечты, небылицы,
Здесь гимны грядущей земле,
Здесь шара земного столицы
Лежат на единой шкале.

Приемник, в любую квартиру
Скликающий материка, —
Макет современного мира,
Где так расстоянья близки.

Здесь рядом — утраты, успехи,
Синкоп и сигналов хаос,
Полярных сияний помехи,
Разряды тропических гроз.

Все рядом на свете, все рядом —
И мирных деяний расцвет,
И с атомным боезарядом
Тела дальнобойных ракет.

И может любое случиться
На маленькой этой Земле,
Где шара земного столицы
Так близко лежат на шкале.

Приемник!.. Бессонное сердце,
Поющее в звездных мирах,
Исчисленное в килогерцах,
В коротких и длинных волнах.

Восславим же гений Попова, —
Для честных и творческих сил,
Для мирного дела и слова
Он радио людям вручил.

Пусть крыльями плещут в мембраны
Не вороны темных страстей,
Не коршуны зла и обмана,
А голуби добрых вестей!

По-мирному жить и трудиться
Призыв мы бросаем Земле, —
Ведь шара земного столицы
Лежат на единой шкале.

К ВЕНЕРЕ

12 февраля 1961 года

Свершилось! В эфирном тумане
Проносится мирный снаряд,
Завистливые марсиане
За ним в телескопы следят.

Невиданный и небывалый,
Во мраке небесных пустот
Он кажется зернышком малым, —
Зерно прорастет, прорастет.

Чтоб дальние трассы наметить,
Летит он дорогой чудес

К прекрасной и светлой планете —
Голубке рассветных небес.

О Родины творческий гений!
Свой путь ты направил в труде
Не к Марсу, не к богу сражений,
А к утренней мирной звезде.

Ты в дивный простор мироздания
Небесные шлешь корабли —
Крылатые зерна познания
С широкой ладони Земли!

ПРИРОДА

Смогли мы летать научиться,
Хоть крыльев и нет за спиной, —
А все же завидуем птицам
И легкости их неземной.

Есть где-то иные закаты,
Есть где-то — неведомо где —
Планеты, где люди крылаты,
Где люди — как рыбы в воде.

А ты и суровей, и строже,
Природа, недобрая мать:
Как рыбы, мы плавать не можем,
Как птицы, не можем летать.

На свете нам многое нужно.
Пусть щедрою ты не была —
Но ты нам, нагим, безоружным,
Упорство и зависть дала.

Ты нас не хранила от бедствий,
От мора, от моря невзгод, —
Но каждый, обиженный в детстве,
Сметливым и жадным растет.

Так завистью, хитростью, силой
Наследует Землю навек
Нагой, безоружный, бескрылый,
Бессмертный твой сын — Человек!

РЕАКТИВНЫЙ ПОЛЕТ

Паденье по горизонтали,
За горло берущий полет!
Кипит на горячем металле
Роса стратосферных высот.

Внизу расплеснулись просторы,
Зубчатка морских берегов,
И тянут к нам смуглые горы
Ладони альпийских лугов.

И купол небесный проколот,
И сердце поет на лету,
Восторга стремительный холод
Бежит по спинному хребту.

Нет, мы не корысть и не горечь,
Не бога с тяжелым крестом —
Богиню крылатую — Скорость
Возводим на звездный престол!

Она еще медлит на грани
И крылья боится обжечь
В преддверьи иных расстояний,
Иных расставаний и встреч.

Но в реве турбин все теснее
Смыкается мир за спиной.
Земные!

С крылатою, с нею
Готовьтесь в полет неземной!

2

СТАРЫЙ ЖУРАВЛЬ

Оставив заморское великолепье —
Оазисы, пальмы и зной,
Трубят журавли над весеннею степью
И клином летят надо мной.

Они утомились, они отощали
За этот далекий полет,
Крылами три тысячи верст отмахали,
А рвутся вперед и вперед.

Летят, подогнув голенастые ноги,
Под перьями ветер свистит.

А следом, по той же небесной дороге,
Журавушка старый летит.

От них отстает, отстает, отстает он,
Уже не пристроиться в ряд, —
Надорвано сердце последним полетом,
И старые крылья болят.

Зачем ты торопишься, бедная птица?
Тебе молодых не догнать, —
Они возвращаются жить и плодиться,
А ты к нам летишь умирать!

Усталый, ты нынче же, вечером синим,
Падешь у гнезда своего...
Но, видно, страшнее, чем смерть
на чужбине,
На свете уж нет ничего.

...Над сизым холмом высоту набирал,
В бессмертную веря судьбу,
Торопит вожак многокрылую стаю,
Трубит в золотую трубу.

Под солнцем косматая степь серебрится,
Роса на травинках блестит.

Ведут перекличку усталые птицы —
И молча отставший летит.

1953

ЗАБЫТЫЙ КОЛОДЕЦ

Никто к воде не прикоснется, —
Паук, угрюмый чародей,
Заткал отверстие колодца
Узорной сеткою своей.

Бадейку на веревке длинной
Не стоит опускать туда —
Пропахла затхлостью и тиной
Перестоявшая вода.

От влаги мертвенной и пленной
Иди к ручью, — там, у моста,
За проносящею пеной
Вода прозрачна и чиста.

Отхлынул зной. Пьянит прохлада.
О чем грустить, о чем жалеть...
Прохожий! В нашем мире надо
Быть щедрым, чтоб не оскудеть.

Кто исчерпать себя боится,
Тот не избегнет нищеты,
Черпай до дна себя — сторицей
Вернешь утраченное ты.

1945

ЛЕСНОЙ ПОЖАР

Забывчивый охотник на привале
Не разметал, не растоптал костра,
Он в лес ушел, а ветки догорали
И нехотя чадили до утра. . .

А утром ветер разогнал туманы,
И ожил потухающий костер.
И, сыпля искры, посреди поляны
Багровые лохмотья распростер.

Он всю траву с цветами вместе выжег,
Кусты спалил, в зеленый лес вошел,
Как испугнутая стая белок рыжих,
Он заметался со ствола на ствол.

И лес гудел от огненной метели,
С морозным треском падали стволы.
И, как снежинки, искры с них летели
Над серыми сугробами золы.

Огонь настиг охотника — и, мучась,
Тот задышался в огненном плену;
Он сам себе готовил эту участь, —
Но как он искупил свою вину!..

Не такова ли совесть? —

Временами
Мне снится сон средь тишины ночной,
Что где-то мной костер забыт, а пламя
Уже гудит, уже идет за мной...

1940

ВОДОЕМ СПРАВЕДЛИВОСТИ

В китайской книге я прочел недавно
О том, как полководец достославный,
Вождь, Искандеру в ратном деле равный,
В былые отдаленные века
Из долгого и трудного похода,
Что длился месяц и четыре года,
На родину привел свои войска.

На двадцать семь дневных полетов птицы
(Доподлинно так в книге говорится)
Он всех врагов отбросил от границы,
И вот с победой в боевом строю
Вернулся он, не знавший поражений,
Склонить пред императором колени
И верность подтвердить ему свою.

Пред летней резиденцией владыки
Расположил он лагерь свой великий,
И, под толпы приветственные клики
Сойдя с лимонногривого коня,
В доспехах медных, грузен и степенен,
Поднялся он по яшмовым ступеням,
Руки движеньем стражу отстраня.

И царь царей, властитель вод и суши,
Тысячелетний этикет нарушив,
Добросердечен и великодушен,
Шагнул к нему — и чашу преподнес
С вином, достойным полководца славы,
С вином без горечи и без отравы,
С древнейшим соком богдыханских лоз.

Такой нежданной чести удостоен,
С поклоном чашу принял старый воин,
Но не пригубил. Сердцем неспокоен,
Он вниз, на луг, невольно бросил взгляд,
Где наклонилась, жаждою влекома,
Над каменной чашей водоема
Усталая толпа его солдат.

Не с ними ли в походе дальнем пил он
Гнилую воду, смешанную с илом?
Не с ними ли пред смертью равен был он?
Теперь один за всех в почете он.
Он с войском шел по вражескому следу —
И вот не с войском делит он победу. —
От войска он победой отделен!

И что-то в сердце тайно всколыхнулось,
И что-то, в нем дремавшее, проснулось,
И Справедливость поздняя коснулась
Его своим невидимым крылом, —
Минуя царедворцев и министров,
Сошел он вниз решительно и быстро,
И выплеснул он чашу в водоем.

. . . . .

Тот царь забыт. О давнем том походе
Лишь в книгах мы подробности находим,
Но песнь о старом воине в народе
Звучит еще и в наши времена.
А в водоеме все вода струится,
И, говорят, доныне в ней хранится
Тончайший привкус древнего вина.

1960

ПАМЯТИ АРХИМЕДА

Далеко от нашего Союза
И до нас за очень много лет
В трудный год родные Сиракузы
Защищал ученый Архимед.

Многие орудья обороны
Были сконструированы им,
Долго бился город непреклонный,
Мудростью ученого храним.

Но законы воинского счастья
До сих пор никем не учтены, —
И втекают вражеские части
В темные пробоины стены.

Замыслом неведомым охвачен,
Он не знал, что в городе враги,
Он в раздумье на земле горячей
Выводил какие-то круги,

Он чертил задумчивый, негордый,
Позабыв текущие дела, —
И внезапно непонятной хордой
Тень копья чертеж пересекала.

Но, убийц спокойствием пугая,
Он, не унижаясь, не дрожа,
Руку протянул, оберегая
Не себя, а знаки чертежа.

Он в глаза солдатам глянул смело —
Убивайте, римляне-враги!
Убивайте, раз такое дело,
Но не наступайте на круги!

. . . . .

Я хотел бы так пером трудиться,
Родине отдав себя вполне,

Чтоб на поле боя
  иль в больнице
За себя не страшно было мне,

Чтобы у меня хватило духа
Вымолвить погибели своей:
— Лично — убивай меня, старуха,
Но на строчки наступать не смей!

1958

СОБОР СВЯТОГО ВИТТА В ПРАГЕ

Над собором святого Витта
Облака плывут деловито.

А потом нарастает ветер.
Застилая весь город тенью,
Облака формирует ветер
В боевые соединенья.

И над городом гром раскатился гремучий,
Хлещет ливень по кровлям горбатым,
И готическим шрифтом по аспидной туче
Пишет небо земле ультиматум.

Но не дрогнут собора высокие стены, —
Что ему письма грозные!
Он под бурей стоит непреклонный,
степенный, —
Не впервые ему, не впервые!

Он сквозь тучи глядит, одинок и спокоен,
В синеву, в простор лебединый, —
Он, наверно, не просто из камня построен,
Он изваян из глыбы единой.

Нарастает, крепчает напор непогоды,
Во дворе — разливанное море.
Торопливо вхожу под высокие своды,
Чтоб от ливня укрыться в соборе.

Тишина в полумраке божьего дома,
Отражается свет в позолоте...
Только глухо вибрируют стены от грома,
Будто эта махина — в полете.

Будто это не в Солнечной нашей системе,
И Земля далека, незаметна,

Будто этот гигант сквозь пространство и
время
Рвется ввысь кораблем межпланетным.

Будь я богом — строителям древнего храма
Благодарность бы личную вынес...
И горит надо мною витражная рама,
Прямо в небо таинственно вклинясь.

И брожу, восхищенный, по храму-чертогу,
И душа красотой веселится.
Будь я богом — покинул бы небо, ей-богу,
Чтоб в жилище таком поселиться!

Если он этим чудом земным не прельстился,
Если с неба в свой дом не спустился,
Если он не вселяется столько столетий, —
Значит, нет его вовсе на свете.

ВЕЧНЫЕ БУРИ

Это северный ветер, ломающий старые вязы.
Как большой вентилятор, гудит за окошком

моим.

Через море в тревоге шагает маяк одноглазый,
Чернокрылые тучи, как вóроны, выются над ним.

Выхожу за порог — и гвоздит меня ливень

колющий,

И прозрачная тяжесть срывается на плечи мне —
Я сгибаясь иду, я ночным ураганом навьючен,
Как волшебный мешок, я тащу этот мир

на спине.

В нем трубят корабли, с непогодой вступая

в сражение,

В нем волну отбивают стальные борта
лихтеров,—
И сквозь рваные тучи луна к нам идет
на снижение,
Будто белый корабль, прилетевший из дальних
миров.

Знаю: штормы никто не смирят ни железом,
ни словом,
Ураганы никто не утащит в могилу с собой —
И легко мне дышать в этом мире бессмертном
и новом:
Вечны мы на земле, вечен наш со стихиями бой!

РЯДОМ С НЕБОМ

**Мы все, как боги, рядом с небом
Живем на лучшей из планет.**

**Оно дождем кропит
и снегом,
Порой наш замечает след.**

**Но облачное оперенье
Вдруг сбрасывают небеса, —
И сквозь привычные явления
Проглядывают чудеса.**

**... И лунный свет на кровлях зданий,
И в стужу — будто на заказ —**

Рулоны северных сияний
Развертываются для нас,

И памятью об общем чуде
Мерцают звезды в сонной мгле, —
Чтобы не забывали люди,
Как жить прекрасно на Земле.

1961

3

БЕЗ УКРАШЕНИЙ

Люблю вагонов и кают
Геометрический уют.
Здесь украшений лишних нет,
Здесь дерево, металл и свет.

Давно пора, давно пора
И жить и строить без прикрас, —
И мудрые конструктора
С природою сближают нас.

В ней тоже ложных нет красот,
Она и в сложности проста;
Нагрузку нужную несет
Ее земная красота.

В ней ухищрений лишних нет.
На маки алые взгляни —
Им дозарезу нужен цвет,
Иначе б умерли они.

И лист кленовый вырезной
Прекрасен просто потому,
Что нужен он и в дождь и в зной
Не нам, а клену самому.

Учусь у маков и планет,
У радуги и у листа, —
Ценою миллионов лет
Добыта эта красота,
Добыта эта простота.

ТЕХНИКА

Я еще не устал удивляться
Чудесам, что есть на земле, —
Телевизору, голосу раций,
Вентилятору на столе.

Самолеты летят сквозь тучи,
Ходят по морю корабли, —
Как до этих вещей могучих
Домечтаться люди смогли?

Как придумать могли такое,
Что пластинка — песню поет,
Что на кнопку нажмешь рукою —
И средь ночи день настает?

Я вверяю себя трамваю,
Я гляжу на экран кино, —
Эту технику понимая,
Изумляюсь ей все равно.

Ток по проволоке струится,
Спутник ходит по небесам...
Человеку стоит дивиться
Человеческим чудесам.

1958

ПЕРВЫЙ МОСТ

... И вот он вырвался из чащи
По следу зверя. Но поток,
В глубокой трещине урчащий,
Ему дорогу пересек.

На берегу другом — добыча,
Для всей семьи его — еда:
Нетронутые гнезда птичьи,
Косуль непуганых стада...

Себе представив на мгновенье
Закрытый для него простор,

Затылок он в недоуменьи
Косматой лапою потер.

И брови на глаза нависли,
И молча сел на камень он,
Весь напряженьем первой мысли
Как судорогою сведен.

И вдруг — голодный, низколобый —
Он встал, упорен и высок,
Уже с осмысленною злобой
В ревущий заглянул поток.

И подойдя к сосне, что криво
Росла у самого обрыва,
И корни оглядев — гнилье! —
Он стал раскачивать ее.

И долго та работа длилась,
И камни падали в обрыв,
И с хрустом дерево свалилось,
Два берега соединив,

И он тропюю небывалой
На берег перешел другой,
И пот со лба отер усталой —
Уже не лапой, а рукой.

1954

ЗА ПОВОРОТОМ

Колючие травы, туманные дали,
Ни всплеска весла, ни тропы человеческой.
Мы сумрачным берегом долго шагали,
Река торопливо текла нам навстречу.

И мост с поворота открылся неожиданно;
Прекрасней, чем все триумфальные арки,
Он встал над водою, огнем осиянный,
Увенчанный заревом электросварки.

Бессмертен, кто чудо такое замыслил,
Бессмертен, кто чудо исполнил такое!
Как крылья неведомой птицы, нависли
Железные своды над пенной рекою.

Вошел он вплотную в пейзаж невеселый,
Но все с появлением его изменилось;
Увидев себя некрасивой и голой,
Земля наготы перед ним устыдилась.

И верилось: встанут веселые травы,
Зеленым пожаром просторы объемля,
И тень молодую уронят дубравы
На эту от века пустынную землю.

Река, и холмы, и туман на рассвете...
Все так — и не так, как в минувшие годы,
И мост возвышался, огромен и светел,
Как праздник, нарушивший будни природы!

1954

СВАЛКА

Средь ящиков с битым стеклом,
Среди одуванчиков лысых
Коррозия — рыжая крыса —
Грызет металлический лом.

Торчат из древесной трухи
Меж травок бессильных и сонных
Внимательные лопухи, —
Не уши ль слонов погребенных?

А птица летит тяжело
С клочком перепревшей соломы
Сквозь будущих окон стекло,
Сквозь будущих зданий объемы.

Их нет еще на чертеже,
Все здесь еще хмуро-понуро,
Но просится в небо уже
Грядущая их кубатура.

1960

СТОЛ НАХОДОК

Много дальних дорог я прошел, —
И надежды, и встречи, и лица...
Стол находок, мой письменный **стол**,
Нелегко за тобою сидится!

За тобою я в поте лица
Отделяю зерно от половы,
Чтоб весомой строкою свинца
Отлилось в типографии Слово.

Мне по-новому жизнь предстает
В час работы, под лампой ночью, —
Ты летишь, мой ковер-вертолет,
Над путями, что пройдены мною.

Вся земля у меня — на виду,
Обведенная светом и тенью.
Может, чье-нибудь счастье найду —
И верну его по назначенью.

1961

ОТРАЖЕНИЕ В РЕКЕ

Река глубокая. Над ней
Прибрежный наклонился сад —
И отражения ветвей
На плоском зеркале лежат.

Порой колышет их волна,
Но, безучастна и темна,
Под пленкою зеркальной спит
Таинственная глубина.

Вот если б лак содрать с волны,
Поверхность зеркала разбить,
Чтоб всею глубию глубины
Цветущий мир отобразить!

1960

ЛИРИКА

Придуманы кем-то когда-то
Слова для хороших стихов:
И музы, и розы, и злато,
И вздохи, и трель соловьев.

Но лирика шляется где-то,
Не веря в такое старье. —
На вздохи, на все самоцветы
Теперь не приманишь ее.

Прилягу на мостик бетонный
У самого края шоссе;
В болотной канаве — тритоны
Во всей первородной красе,

На лыжах жуки водяные
Идут по воде без мостов,
И пятна плывут нефтяные
Совсем необычных цветов.

О мир, в глубину устремленный,
Высокий, подножный, земной,
Твоей красоты эталоны
Пока что не найдены мной.

Быть может, за лугом шершавым,
За свалкою, за гаражом,
В цистерне огромной и ржавой
Поэзии свет отражен.

1960

В ЭТОМ ВЕКЕ

Еще байдарки тащат волоком
Через болотистую гать,
Еще поэтам и геологам
На свете есть чего искать.

Еще по незнакомой местности
Через весенний бурелом
Путем счастливой неизвестности
Идут влюбленные вдвоем.

Есть где-то реки безымянные,
Цветы неведомых полян,
Тропинки странные, нежданные,
Ведущие в лесной туман.

И, отвергая слог напыщенный,
Маня под солнце из квартир,
Высокой техникой насыщенный,
Взрослея, не стареет мир.

1960

П О Э З И Я

Даря человечество песней,
Забыв и покой и ночлег,
Она без дотаций и пенсий
Вступает в наш атомный век.

И пусть электронному зренью
Доверено многое, но
Все грани любого явления
Искусству лишь видеть дано.

Пока вычислительный робот
Свершает свой верный расчет,
Поэзии пристальный опыт
По тысячам русел течет.

И где-то в работе бессрочной,
Что к легким успехам глуха,
С наукой смыкается точной
Точеная точность стиха.

1960

ЛИСТОК

Снова листья легли на дорогу
И шуршат под ногами опять, —
Так их в мире бесчисленно много,
Что никак их нельзя не топтать.

Мы спешим, мы красы их не ценим, —
В жизни есть поважнее дела.
Но вчера на асфальте осеннем
Ты упавший листок подняла.

Как он вырезан точно и смело,
Как горит предзакатным огнем!
Ты на свет сквозь него поглядела —
Кровь и золото смешаны в нем.

Может вызвать он гордость и зависть,
Драгоценностью вспыхнуть во мгле...
Как дивились бы, как изумлялись,
Если б был он один на земле!

1956

ОТПЕЧАТКИ НА УГЛЕ

Тянулись ввысь из джунглей разогретых
Таинственных растений веера.
Далекое младенчество планеты,
Беспечное ее позавчера.

Не донесли к нам черные скрижали
Великолепья зарослей густых —
Лишь отпечатки тайно удержали,
Лишь знаки отрицательные их.

Чтоб углем стать, за тысячи столетий
Распались их объемы и цвета;
Всей их красы единственный свидетель ---
От них оставшаяся пустота.

Как детские ошибки и мечтанья,
Их оттиск смутен и неповторим, —
Но о былом своем существованьи
Они твердят отсутствием своим.

1959

У ИСТОКА

Сидит задумчивая птица
В лесной глуши у родника,
И тихо капает водица
Из каменного желобка.

И по извилистому ложу
Бежит на северо-восток
Весь в серебристой, мелкой дрожи
Едва приметный ручеек.

Бежит серебряною тропкой
К судьбе, к гибели морской.
Сперва он речкой станет робкой,
Потом — степенною рекой.

Впадая в море, загордится,
Забудет важная река,
Что где-то капает водица
Из каменного желобка,

Что где-то в тишине зеленой
Немая радость разлита,
Что так светла воды студеной
Младенческая чистота.

1956

ГОРДЫНЯ

Над пустотою нависая криво,
Вцепясь корнями в трещины камней,
Стоит сосна у самого обрыва,
Не зная, что стоять недолго ей.

Ее давно держать устали корни,
Не знающие отдыха и сна;
Но с каждым годом круче и упорней
Вверх — наискось — все тянется она.

Уже и зверь гордячки сторонится,
Идет в обход, смертельный чуя страх,
Уже предусмотрительные птицы
Покинули гнездо в ее ветвях.

Стоит она, беды не понимая,
На сумрачной, обветренной скале...
Ей чудится — она одна прямая,
А все иное — криво на земле.

1954

4

С Л О В А

Много слов на земле. Есть дневные слова, —
В них весеннего неба сквозит синева.

Есть ночные слова, о которых мы днем
Вспоминаем с улыбкой и сладким стыдом.

Есть слова — словно раны, слова — словно
суд, —
С ними в плен не сдаются и в плен не берут.

Словом можно убить, словом можно спасти,
Словом можно полки за собой повести.

Словом можно продать, и предать, и купить,
Слово можно в разящий свинец перелить.

. . . . .

Но слова всем словам в языке у нас есть:
Слава, Родина, Верность, Свобода и Честь.

Повторять их не смею на каждом шагу, —
Как знамена в чехле, их в душе берегу.

Кто их часто твердит — я не верю тому,
Пузабудет о них он в огне и дыму.

Он не вспомнит о них на горящем мосту,
Их забудет иной на высоком посту.

Тот, кто хочет нажиться на гордых словах,
Оскорбляет героев бесчисленных прах,

Тех, что в темных лесах и в траншеях сырых,
Не твердя этих слов, умирали за них.

Пусть разменной монетой не служат они, —
Золотым эталоном их в сердце храни!

И не делай их слугами в мелком быту —
Береги изначальную их чистоту.

Когда радость — как буря, иль горе — как
ночь,
Только эти слова тебе могут помочь!

1956

СЧАСТЬЕ

Счастье мне противопоказано,
Мне невыгодно быть счастливым:
Голубыми путами связанный,
Становлюсь нетрудолюбивым.

Все мне чудится подсознательно,
Что судьба меня только дразнит, —
В будни радость не обязательна,
Радость — это недолгий праздник.

За характер свой не в ответе я,
Он со мной до смерти пребудет, —
За века, за тысячелетия
Не приучены к счастью люди.

Жизнь, старуха с чертами резкими,
Им дарила, с богом не споря,
Счастье мелкими разновесками
На пудовые гири горя.

Много радости нам отпущено,
Но и горе не раз встречали.
Знаю, люди века грядущего
Знать не будут моих печалей.

Мир, от горя отмытый начисто,
Ощутят они всем дыханием.
Стань же, счастье, рабочим качеством
И естественным состоянием!

1959

ТОВАРИЩУ

Мы с тобой неплохие люди,
Да молва о нас не гремит.
Видно, памятника не будет,
Видно, строг на бронзу лимит.

И обидно мне временами,
Что не будут в дальней дали
Зваться нашими именами
Межпланетные корабли.

Только, если вдуматься, — право,
Жизнь чудеснее всех поэм:
Пусть не всем нам дается слава,
Но работы хватает всем!

Может, слава не в медном громе,
Может, слава в тяжелый час
На пути, на крутом подъеме,
Запыхавшись, нагонит нас.

Робко спросит она сквозь ветер:
— Можно с вами держать мне путь?
— Что ж, пожалуй, — мы ей ответим, —
Потеснимся уж как-нибудь...

1953

СМЕЛОСТЬ

Один на бегу остановит коня,
Пройдет по реке в ледоход —
Зато без друга средь бела дня
На кладбище не шагнет.

Не страшен другому ни бой, ни враг,
Вся мистика нипочем —
Вот только начальства боится так,
Что вмиг немеет при нем.

А третий шагнет в огонь и в ночь,
И вступит на талый лед,
И чтобы друзьям в беде помочь,
По минным полям пойдет;

Какая б его ни ждала гроза, —
Угроз и гроз не боясь,
Любому любую правду в глаза
Он выскажет не таясь.

Не то, чтоб он всех на свете мудрей
Иль от смерти заговорен —
Ослушаться совести своей
С детства боится он.

1954

Города — продолженье природы,
Перекрестки таинственных троп.
Под железобетонные своды
Мы пришли из пещер и чашоб.

И песок стал витриной зеркальной,
И руда стала балкой стальной,
Глина, вставшая вертикально,
Обернулась кирпичной стеной.

Но от каменных великолепий,
От чудес, что построили мы,
Манят нас молчаливые степи
И далекие манят холмы, —

Там, где нет ни стекла, ни металла,
Где природа дика и горда,
Где стеною глина не стала
И рудой осталась руда.

Все нас тянет в лесную прохладу,
В неуют, к родниковой воде, —
Будто скрягу к отцовскому кладу,
Что зарыт был неведомо где.

1962

Ш К В А Л

И дернул же нас черт пуститься в море!
С овчинку небо, ветра пьяный вой. . .
За пирсами на мачте-семафоре
Не зря был поднят вымпел штормовой!

А ливень хлещет,— будто из насоса,
Вращается и стонет высота,
Валы идут от горизонта косо
Резьбою бесконечного винта.

И ветер кляп вбивает в рот все туже,
И палуба уходит из-под ног,
И дергается катер неуклюжий,
Как при голодном клеве — поплавок.

Но не умолкнут выхлопы мотора,
Умчатся тучи с градом и дождем.
В порт назначенья — скоро иль не скоро —
Мы все-таки когда-нибудь придем!

Уже и волны чуть пониже стали,
И ветер улетел к себе домой,
А винт из хромоникелевой стали
Все месит, месит воду за кормой.

Что ж, что хлебнули по дороге горя, —
Но что достойней — сам себе ответь:
Пройдя грозу, увидеть берег с моря
Или на море с берега глядеть?

1955

ПОДСОЛНЕЧНИК

Не знаю, что тому виною,
Но был засушлив этот год,
И пахло гарью торфяною
От высыхающих болот.

У обмелевшей переправы,
Где обнажился дна кусок,
Торчали высохшие травы,
Как гвозди, вбитые в песок.

Ничто не радовало взгляда.
И он передо мной возник,

Как солнца дальнего двойник,
За пыльной изгородью сада.

Он цвел, не ведая печали,
Средь зноя, среди дымной мглы,
И лепестки его торчали,
Как зубья дисковой пилы.

Он врос в земли тугую бездну
Корней сцеплением тугим, —
И стало то ему полезно,
Что было гибельно другим.

А я стоял у той ограды,
Молчали пыльные листья,
И не дающие прохлады
Склонялись чахлые кусты.

И пот ручьями тек по коже,
И было небо все в дыму,
И душно было мне, —
и все же
Я не завидовал ему.

И никогда мне не мечталось
Стоять как желтые цветы,
На трав смертельную усталость
Бесцельно глядя с высоты.

1939

ДОРОЖНЫЙ СОСЕД

На нижней полке — как по нотам —
Сосед обиженно храпит:
Он и во сне живет под гнетом
Воображаемых обид.

Всего два дня с ним вместе едем,
А я уж с ним знаком вполне:
На жизнь, на сына, на соседей
Он долго жаловался мне.

В самом себе души не чая,
Добра не ждет он от людей;
Так и живет, не замечая
Угрюмой сущности своей.

Да, людям с ним, наверно, туго:
Чуть что — и жалобы и крик...
Как к лучшему на свете другу,
Он к самому себе привык.

А за окном вагона — ветер,
Степей безудержный простор.
И чуть видны в закатном свете
Далекие вершины гор.

О жизни! Топи меня в заботах,
Томи меня красой земной,
Раскачивай на поворотах
И чаще ссорь меня со мной!

Прошу, что мне бывает туго,
Что сквозняки в моей судьбе;
Будь мне наставником и другом —
Не дай мне другом стать себе!

ВЫБОР ВЕТРА

Птицам ветер не нужен попутный:
Хоть помочь он старается им,
Но при нем им становится трудно
Управлять опереньем своим.

Пусть сидит себе век на болоте
Тот, кто ветра попутного ждет, —
Ведь свободу и точность в полете
Не попутный, а встречный даёт.

1962

О Х О Т Н И К

Белых пятен на карте
Давно уже нет,
Но земля
Не открыта еще до конца.
Он по лесу идет.
Золотится рассвет,
На травинках блестит
Золотая пыльца.

Может быть,
Он в такую чащобу зашел,
Где никто из людей
Не бывал никогда.
Вот на этот
Поваленный бурей ствол

Ни один человек
Не ступал никогда.

Здесь доверчиво
Тянутся ветви к рукам,
Здесь, куда ни взгляни,
Ни тропы, ни следа.
Недотрогу стальную —
Зубастый капкан —
Здесь не ставил на зверя
Никто никогда.

По ночам здесь звучит
Только филина плач
Да звенит родников
Озорная вода.
Браконьер ненасытный —
Звериный палач —
За добычей
Идти побоится сюда.

Только чистому сердцу
Открыт этот лес
От корней до вершин,

Будто сон наяву...
Он идет не спеша.
Сквозь зеленый навес
Ясный солнечный свет
Озаряет траву.

И тропинкой журчащей
Бежит ручеек,
Все лесные ключи
На пути подобрал,
И ложится
На донный волнистый песок
Серебристая тень
Наклонившихся трав.

И осинка стоит
Молода и стройна,
Ее листья —
Как тысяча звонких сердец.
Двадцать лет
Ожидала, волнуясь, она,
Чтоб ее человек увидал наконец!

Он идет,
Забывая дорогу к жилью,

И напрасно висит
За спиною ружье...
Так он любит
Зеленую землю свою,
Что невольно
Всю жизнь открывает ее.

АМУ-ДАРЬЯ

В соленом озере вода
Спокойна и чиста.
Она в ложбину меж песков,
Как в блюде, налита.

Манит обманщица вода,
Зовёт — приди и пей.
Но рот от горечи скривишь,
Едва приникнешь к ней.

. . . . .

В Аму-Дарье вода желта.
У ней невкусный цвет.
Бежит, бурлит — ей до тебя
Как будто дела нет.

Но лишь губами к ней прильнешь —
Пьешь за глотком глоток,
И жажды нет, и дальний путь
Уже не так далек.

Шагаешь вдаль береговой
Чуть видною тропой,
И рядом, словно друг живой,
Река идет с тобой.

1954

КОЛОДЦЫ ПУСТЫНИ

Я пил из колодцев пустыни,
Воды я не помню вкусней,
Хоть, кажется, горечь земная
Изрядно подмешана к ней.

Но в этом волнистом просторе,
Где ни колен, ни следа,
Такой драгоценной и чистой
Казалась мне эта вода!

Из ржавой консервной жестянки,
С обросшим и жадным лицом,
Напиток богов и верблюдов
Я пил, позабыв обо всем.

Из водопроводного крана
Струя холодна и вкусна,
В ней горечи привкуса нету,
Да только не та ей цена.

Иной ее выпьет лениво
И даже невкусной найдет, —
А в горьких колодцах пустыни
И горечь за сладость сойдет.

Кто пил из далеких колодцев,
Навеки запомнил одно:
Чем счастье трудней достается,
Тем сердцу дороже оно.

ВТОРАЯ ПОРЦИЯ

**Я в детстве был вертлявым и шумлявым,
На беготню я тратил много сил,
И, свой обед съедая торопливо,
Всегда вторую порцию просил.**

**С годами та прожорливость отпала,
А мир вокруг — все шире и родней.
Теперь мне не жратвы, а жизни мало,
И к жизни я чем старше, тем жадней.**

**Я знаю: смерть повсюду нас находит,
Не век шагать мне по ступенькам лет.
Но у меня в таком плохом исходе
Трагической уверенности нет.**

Все чудится, что соберутся люди,
Минуты, как крупинки, соберут,
Пошепчутся, столкнутся, обсудят —
И мне вторую порцию дадут.

1957

КРАСОТА ПОЖИЛЫХ

Дни идут, красота отлетает,
И немолод становишься ты;
Все яснее душа проступает,
Все смелей формирует черты.

Не спеша она лепит, прилежно:
Ей работать не месяц, не год.
Прикоснется неслышно и нежно,
И морщину с морщиной сведет.

Вот теперь-то до гроба, до гроба
У того, кто наживы искал,
Пустоты и расчетливой злобы
Застывает крысиный оскал.

И не раз мы встречали с тобою
Благодушные лица пролаз,
Где глядит равнодушие тупое
Сквозь холодные проруби глаз.

Нет, иные нам по сердцу лица —
Где тревоги оставили след,
Где бессонная юность таится
Под морщинами прожитых лет,

Где душа проступает упрямо
В озареньи живой доброты
Сквозь косые военные шрамы
И печалью сведенные рты.

Красоты в них как будто и нету —
Той, что молодость даром дарит,
Но спокойным негаснущим светом
Красота в них другая горит.

НЕВЗГОДЫ

Бывает — жизнь поранит и обманет,
Но ты преодолей свою печаль.
Пусть светится окно твое в тумане, —
Назло судьбе ты свет не выключай.

Ты верь в свою удачу-недотрогу,
На твой огонь она придет в свой час.

Чтобы для счастья проторить дорогу,
Порой невзгоды посещают нас.

1962

БЕССМЕРТИЕ

... Но сердце работает тише и глуше,
И комнату серый туман заволок...
А сколько сердец он за жизнь переслушал
И скольким не остановиться помог!

Сегодня — последнее в жизни сегодня,
И он отбывает на вечный ночлег.
И голову он от подушки приподнял,
Чтоб мир оглянуть — и проститься навек.

Дохнуло весною и солнцем горячим,
И он увидал сквозь предсмертную тьму —
Шли матери,
                                 улыбаясь и плача,
Прощаться детей подводили к нему.

И дети, спасенные в давние годы,
Пришли, натащили охапки цветов —
Студенты, колхозники и мореходы,
Строители зданий, плотин и мостов.

И, встав из могил, в изголовье присели,
Склоняя оружие пред старцем седым,
Герои, от смерти еще в колыбели
Для славы бессмертной спасенные им.

И все, кто нашел у него исцеленье,
Явились к нему, молоды и сильны,
Со скоростью света пройдя за мгновенье
По тысячеверстям великой страны.

Всю жизнь он окинул от края до края
И радость, и труд, и борьба, и покой...
И доктор подумать успел, умирая,
Что, может быть, смерти и нет никакой.

1953.

ВЕЩИ

Человек умирает, но вещи его остаются,
Нет им дела, вещам, до чужой, человеческой беды.
В час кончины твоей даже чашки на полках
не бьются,
И не тают, как льдинки, сверкающих рюмок ряды.

Может быть, для вещей и не стоит при жизни
 стараться, —
 Так покорно другим подставляют себя зеркала,
 И толпою зевак равнодушные стулья толпятся,
 И не дрогнут, не скрипнут граненые ноги стола..

Оттого, что тебя почему-то не станет на свете,
Электрический счетчик не завертится наоборот.

Не умрет телефон, не засветится пленка
в кассете,
Холодильник, рыдая, за гробом твоим не пойдет.

Будь владыкою их, не отдай им себя на закланье,
Будь всегда справедливым, бесстрастным
хозяином их, —

Тот, кто жил для вещей, все теряет
с последним дыханьем,
Тот, кто жил для людей, — после смерти живет
среди живых.

ДВА ЧЕЛОВЕКА

Твое несчастье в том, что ты не знал беды.

Легки твои пути, легки твои труды.

Пусть говорят слепцы: тебе во всем везет, —
Но не хотел бы я шагать с тобой в поход.

Я видывал таких. Ты добр, покуда сыт,

Покуда твой кусок легко тобой добыт.

До первой встряски ты и ловок, и умел,

До первой рюмки трезв, до первой битвы смел.

С товарищем моим пошел бы я в поход,

Хоть в жизни, говорят, ему и не везет.

Победы он знавал, но и хлебнул беды,

Трудны его пути и нелегки труды.

Он — не на побегушках у судьбы,
Он падал и вставал, шаги его грубы,
Такой не подведет, он жизнью закален.
Его удача в том, что неудачник он.

1958

СЛЕЗЫ

Редко от радости плачем мы, —
Может, один лишь раз
Радость у горя берет взаймы
Слезы в счастливый час.

Ветер шуршит весенней листвою,
Утро зовет в поход.
Радость — честна, радость с лихвой
Горю свой долг вернет.

Но на пороге дальней зимы,
Все испытав всерьез,
Слезы счастливые вспомним мы —
Горьких не вспомним слез.

1959

5

ШИПОВНИК

Здесь фундаментов камень в песок перемолот
войной,
В каждой горсти земли затаился смертельный
осколок,
Каждый шаг продвиженья оплачен кровавой
ценой, —
Лишь девятой атакой был взят этот дачный
поселок.

Ни домов, ни травы, ни заборов, ни улицы нет,
И кусты и деревья снарядами сбриты с размаха,
Но шиповника куст — не с того ль, что он крови
под цвет, —
Уцелел, и цветет среди мусора, щебня и праха.

Стисни зубы и молча пройди по печальным
местам,
Мсти за павших в бою, забывая и страх
и усталость.
А могил не ищи... Предоставь это дело
цветам, —
Всё видали они, и цвести им недолго осталось.

Лепестки опадают... Средь этих изрытых дорог
Раскидает, разметет их ветер беспечный
и шалый;
Но могилу героя отыщет любой лепесток,
Потому что и некуда больше здесь падать,
пожалуй...

ВЫПУСКАЮЩИЙ ПТИЦ

В квартире одной коммунальной,
Средь прочих прописанных лиц,
Живет пожилой и печальный
Чудак, выпускающий птиц.

Соседи у рынка нередко
Встречают того чудака —
С большой самодельною клеткой
Стоит он у зоолярка.

С полочки своей небогатой
Накупит чижей и синиц,
И за город едет куда-то
Чудак, выпускающий птиц.

Плывут мимо окон вагонных
Сады и асфальт автострад;
На месте поселков сожженных
Другие, не хуже, стоят.

Качаются дачные сосны,
И речки прозрачны до дна,
И даже сквозь грохот колесный
Земная слышна тишина.

А все же душа не на месте,
И радости нет в тишине:
Без вести, без вести, без вести
Пропал его сын на войне.

И вот полустанок невзрачный
У стыка рокадных дорог...
В болотистом месте, не дачном,
Рубеж обороны пролег.

Отыщет старик не впервые
Пехотной дивизии тыл,
Где встали цветы полевые
На холмики братских могил.

Но где преклонить ему взоры,
Куда ему сердцем припасть,
Где холмик найти, над которым
Он мог бы наплакаться всласть?..

Он с клетки снимает тряпицу,
Потом открывает ее, —
Молчат присмирившие птицы
И в счастье не верят свое.

Но крылья легки и упруги,
И радость растет на лету, —
В каком-то счастливом испуге
Взывают они в высоту.

Летят над землею зеленой,
Летят без дорог и границ,
И смотрит на них умиленно
Старик, выпускающий птиц.

ЛЕНИНГРАДСКИЕ ДЕВУШКИ

Широкий ров пересекает луг,
Весенние в него сбегают воды.
Он кажется не делом чьих-то рук,
А давним порождением природы.

Я вспоминаю сорок первый год.
Здесь заняли мы свой рубеж когда-то.
Но этот ров у склона двух высот
Копали не саперы, не солдаты.

Здесь девушки работали. Они,
Совсем не по-военному одеты,
Пришли сюда в те роковые дни.
Я помню их платочки и береты.

И голоса их в памяти звучат...
Они, покинув этот луг зеленый,
Отправились не в тыл — а в Ленинград,
На ближние объекты обороны.

Они ушли, бесстрашно-молоды,
На плечи взяв тяжелые лопаты,
И каблучков их легкие следы
Оттиснулись на глине синеватой.

... Летят послевоенные года
Над Ленинградом, над страной, над миром;
Мы их, наверно, видим иногда,
Тех девушек, но мы проходим мимо.

Мы их не узнаем среди других —
В ту пору мы не вглядывались в лица.
Они ж молчат о прошлых днях своих:
У них — дела, им некогда гордиться.

Но есть другие — те, которых нет,
Которых повидать нигде не сможем.
Они не встретят над Невой рассвет,
Гулять не выйдут вечером погожим.

Они в свои квартиры не вбегут,
Даря улыбки и рукопожатья.
Лишь матери седые берегут
В своих шкафах их выпускные платья.

Да у подружек школьных, у друзей
Еще по старой памяти хранятся
Их фотоснимки довоенных дней —
Шесть на девять и девять на двенадцать.

Они ни встреч не помнят, ни разлук,
Ни голода, ни пламени, ни дыма, —
И смотрят на стареющих подруг
С улыбкой ясной и неповторимой.

КАСКА

Молчит, сиротлив и обижен,
Ветлы искореженный ствол,
Заброшенный пруд неподвижен
И густ, будто крепкий рассол.

Порою, как сонное диво,
Из тьмы травяной, водяной
Лягушка всплывает лениво,
Блестя огуречной спиной.

Но мальчик пришел с хвостотиной —
И нет на пруду тишины;
Вот каску, обросшую тиной,
Он выудил из глубины.

Без грусти, без всякой заботы,
Улыбкой блестя озорной,
Берет он советской пехоты
Тяжелый убор головной.

Воды зачерпнет деловито —
И слушает, как вода
Струится из каски пробитой
На гладкую плоскость пруда.

О добром безоблачном небе,
О днях без утрат и невзгод,
Дрожа, как серебряный стебель,
Ему эта струйка поет.

Поет ему неторопливо
О том, как все тихо кругом,
Поет об июне счастливом, —
А мне о другом, о другом.

ГОЛУБИ НАД ЭЛЕВАТОРОМ

Они не знают про вчерашнее,
Они воркуют по-домашнему, —
Не на блокадных граммах вскормлены,
Не из блокадных ведер вспоены.

А он, гружен пшеницы тоннами,
Стоит над бедами вчерашними
Большими железобетонными,
Боками сросшимися башнями.

И те, что воду брали в проруби,
Что на блокадном хлебе выжили,
С улыбкой смотрят:
вьются голуби
Над элеваторною крышею.

1959

22 июня

Не танцуйте сегодня. Не пойте.
В предвечерний задумчивый час
Молчаливо у окон постойте,
Вспомяните погибших за вас.

Там в толпе —
                                среди любимых, влюбленных,
Среди веселых и крепких ребят —
Чьи-то тени в пилотках зеленых
На окраины молча спешат.

Им нельзя задержаться, остаться —
Их берет этот день навсегда,
На путях сортировочных станций
Им разлуку трубят поезда.

Окликать их и звать их — напрасно,
Не промолвят ни слова в ответ,
Но с улыбкою грустной и ясной
Поглядите им, девушки, вслед.

1961

* * *

Мы знаем, как воеет сталь и тротил,
Как труден путь на войне, —
И тот, кто с оружием на смерть ходил,
Жизнь возлюбил вполне.

Не мне дружить со смертью своей,
Не мне ей пером служить, —
Но я вспоминаю порой о ней,
Чтоб жизнь честнее прожить.

1952

ЗЕЛЕНОСТРОЙ

Сошли снега, растаял лед,
Земля строительство ведет.

Как строим дом из кирпичей,
Так, полная своих забот,
Из атомов и из лучей
Земля строительство ведет.

Спят и вздрагивают в ней
Насосы жадные корней
И гонят из подземных нор
К цветам строительный раствор.

Пока в прекрасные слова
Одеть природу хочешь ты,

Здесь создается трава,
Здесь воздвигаются цветы.

С приходом света и тепла
На стройплощадках всех полей
Встают соцветий купола
Над колоннадами стеблей.

Вглядись, взглядишь, к земле припав, —
Зеленый город рвется ввысь.
Сторожевые башни трав
Победно в небо поднялись.

На уровне твоих зрачков —
Балконы алых лепестков,
Зеленые массивы стен,
Система шпилей и антенн,
И колокольчик над тобой
Склоняет рупор голубой.

Храните землю от невзгод —
Земля строительство ведет.

ГОРНЫЙ МИРАЖ

Земля июльской духотой томима.
Иду, изнемогая от жары.
Тропинка вьется, будто струйка дыма,
По склону раскаленному горы.

А выше — облака, прозрачный холод,
Большие незнакомые цветы.
И подо мною горы — будто город,
Подвергшийся атаке с высоты.

Тот город великанский, не всегдашний
Как бы окутан дымной пеленой,
Кривые скалы высятся, как башни,
Взрывною накрененные волной.

Там осыпи как рухнувшие зданья,
Гигантские расщелины, зубцы —
Как будто от прямого попадания
Гранитные обрушились дворцы.

Как лопнувший водопровод, бурливо
Со дна ущелий-улиц бьет вода,
И корни сосен бьются по обрывам,
Как порванные взрывом' провода.

Повсюду — раны, вмятины, ушибы, —
Распотрошенный великаний кров:
Над пропастями нависают глыбы —
Останки уничтоженных мостов.

Но вот с небес, из облаков парящих,
Из дымных, из бензиновых высот
Спадает солнце в море — как горящий,
Зенитками подбитый самолет.

Уже в долинах и свежо, и сыро,
Весь мир окутан синей тишиной,
И вся земля, взыскующая мира,
Невидимо сливается со мной.

Приглушенно во сне листва лопочет,
Уснув, прильнула к пристаням вода,
И чутко спят, светясь в просторах ночи,
Людьми воздвигнутые города.

1957

В ОКЕАНЕ

Идут с урановой рудою
Крупнотоннажные суда.
Спят под зеленою водою
Неведомые города.

В глубинах — стены кладки прочной,
Колонны в блеске золотом
Как будто прячутся нарочно,
Чтоб сразу вынырнуть потом.

Там дремлют мраморные боги
В планктоне, средь подводной мглы,
Там спать ложатся осьминоги
На мозаичные полы.

Дворцы стоят недвижимым строем,
Хранит их сонная вода...
Неужто пережить дано им
Земли жилые города?

... Над ними пенною водою
К цветущим гаваням Земли
Идут с урановой рудой
Коммерческие корабли.

1960

О МИРЕ

Мы о мире богам не молимся,
Не бежим от войны в кусты, —
Мы делами своими боремся,
Чтобы пушкам зажали рты,

Стрелокрылые перехватчики
Не взмывали чтоб в небеса,
Грибники, а не автоматчики
Чтоб прочесывали леса,

Чтоб не знали люди отчаянья,
Чтоб навек войну погребли,
Чтоб из гаваней всех отчаливали
Только добрые корабли.

1958

МИЛОСЕРДИЕ

Верю в добрых сердец бессмертие,
В солнце мира и тишины.
Милосердие! Милосердие! —
Это слово старше войны.

В человечества годы ранние
Неизвестная медсестра
Над охотниками израненными
Хлопотала возле костра.

Милосердие! Слово вещее,
Ты и нам сияло во мгле, —
Наклонялись над нами женщины
Под огнем на ничьей земле.

И когда все войны забудутся,
Все оружие на слом пойдет,
Все надежды людские сбудутся —
Милосердие не умрет.

... В гимнастерке ль, в платье
заплатанном,
С горькой складочкою у рта,
Как нужна ты нам в веке атомном,
Терпеливая доброта!

1961

ВЫСОКОЕ РАВЕНСТВО

Зверь, в сущности, доволен малым:
Ему нужны еда и сон.
Вовек не станет он Дедалом,
Но и не сбросит бомбы он.

Но человечество особый
Собой являет род и вид:
Меж доброй мудростью и злобой
Здесь бездна целая лежит.

Из одного как будто теста,
Да вот припёк у всех иной:
Есть люди — выше Эвереста,
Есть — ниже ямы выгребной.

Но мы взрывать не будем горы,
Чтоб их с низинами сравнять,
Чтоб стала жизнь равниной голой,
Где тишь болотная да гладь.

Нет, мы хотим, чтоб на планете
Все были в помыслах чисты,
Чтобы для всех настал на свете
Век мудрости и доброты!

Чтоб не вершиной одинокой,
Не ямою у входа в храм, —
Чтоб каждый стал горой высокой,
Но дружественной всем горам!

6

СТОРОНА ОТПРАВЛЕНИЯ

У больших городов за плечами —
На вокзалах, в преддверьи полей, —
Будто стрелы в стеклянном колчане,
Ждут составы отправки. Скорей!

Вот она — сторона отправленья.
До свиданья, домашний уют!
Вот она — сторона удивленья,
За которой открытья встают!

То в весеннего луга убранство,
То в речной розовеющий плес
Перемалывается пространство
Жерновами веселых колес.

Будет холод, и зной, и усталость —
Только все же назад не гляди.
Позади — лишь былое осталось,
Настоящее — там, впереди.

Там — страна золотых обещаний,
Там шагов твоих ждет тишина.

Сторона неумелых прощаний
Нам как вечная юность дана.

1960

СИБИРСКИЕ РЕКИ

Есть реки — воды не замутят,
Смирны, как мирные пони.
А эти на Север бегут, летят —
Большие, вольные кони.

Бегут к океану во весь опор,
Не ищут легкой дороги,
Бока обдирают о кручи гор,
Копытами бьют в пороги.

Горами, тайгой, средь долинных трав,
Как испугнутые волками,
Притоки мчатся — чуть поотстав —
За реками-вожаками.

За ними вслед — табуны, косяки...
Скачут по перекатам
Притоки притоков и ручейки —
Резвые жеребята.

... А старшие реки бегут вперед,
Силы полны гигантской, —
Торопятся гривы сибирских вод
Водой омыть океанской.

Их пена — отсвет ясной зари,
Глубины — темнее мрака...
Попробуй взнуздай таких, усмири!
Взнуздывают, однако.

1959

ВТОРАЯ ПАМЯТЬ

Как далеко мы видим в день осенний,
Когда редет утренний туман
И тополей безлиственные тени
Лежат, как шпалы, поперек поляны

Нам и легко, и словно жаль чего-то,
А даль зовет, бессмертно хороша, —
И отбегают мелкие заботы,
И к трудным целям тянется душа.

Уже мы дышим дальнею весною,
Торопимся мы, ищем и творим, —
И стала в новом городе стеною
Та глина, на которой мы стоим.

Уже, войдя в космические глубины,
Мы звездные открыли острова
И женщине, которую мы любим,
Уже сказали трудные слова.

И ясной достоверностью такую
Увиденное все озарено,
Как будто некой памятью второю
Нам вспоминать грядущее дано.

1960

ЗВЕЗДА

Тропинка в чашу завела
И бросила меня.
Кругом — ни крова, ни угла,
Ни дыма, ни огня.

Ночной туман, овраг лесной,
Колючие кусты, —
И филин пристально за мной
Следит из темноты.

Но светит в чистой вышине
Взошедшая звезда, —
Сквозь ветви тянутся ко мне
Лучи, как провода.

Она горит, дрожит чуть-чуть —
То ярче, то темней,
И взгляды всех, кто ищет путь,
Сейчас сошлись на ней.

Никто из нас не одинок,
Никто не обделен, —
Пульсирующий огонек
Один на всех зажжен.

1958

ПРЕДГРОЗЬЕ

На кустиках нежных синее черника,
Ни шороха ветра, ни птичьего крика.
Над гладкой рекой, над лесными местами
Легла тишина голубыми пластами.

Пружинят остистые мхи под ногою,
По лесу бреду, усмиренный покоем,
И мысли смеркаются мало-помалу,
И сердце мое на ходу задремало.

Шагаю — а зной над лесными холмами
Прозрачными к небу восходит волнами,
И зреет зерно неминуемой бури
В дремучем покое, в недвижной лазури.

1958

КОРОТКАЯ ГРОЗА

Над самым берегом реки
Шли тучи, как грузовики,
Везя косматые тюки
Невоплощенного дождя.

Шли, интервалов не блюдя, —
И сгрудились, столкнулись вдруг,
И потемнело все вокруг.

Гром — будто лопнувший баллон,
Помноженный на миллион,
И тонны ливня — под откос,
И пламя бьет из-под колес.

Вдруг — тишина. И гром забыт.
И влажен радостный покой.
Рессора радуги висит
Над нивами и над рекой.

Подсолнух в синий океан
Наводит золотой экран
И ловит солнце в небеси,
Вращаясь на своей оси.

1959

ЛИСТОПАД НА РЕКЕ

Осень прыгнула желтой рысью
На леса, на кусты ивняка,
Целый день золотые листья
По теченью несет река.

В мире нет ни смерти, ни тлена,
Легкий воздух — вина пьяней,
И жемчужной россыпью пена
У прибрежных блестит корней.

Кто солжет, что печальна осень.,
Что бедна она и нага,
Мы того в эту реку бросим --
Прямо в золото, в жемчуга!

1954

ЛЕТНИЕ НОЧИ

Мы в поздний час, в июльский вечер любим
Следить, как пар клубится над рекой,
И ждать, когда в луны беззвучный бубен
Ударит полночь смуглою рукой.

А солнце тонет в розовой пене,
И с каждым мигom в мире все темней,
И на луга от рощ ложатся тени,
Сгибая травы тяжестью своей.

И ночь как башня черная встает,
Серебряным увенчанная кругом,
Над спящим лесом, над туманным лугом,
Над озером, над кочками болот.

Дневных кустов, полдневную траву
Нам не узнать в луны свечение мутном,
Как будто сны, прервавшиеся утром,
Овладевают нами наяву.

В такую ночь, устав кружиться в танце
И возмущать серебряную гладь,
Русалки на плотины гидростанций
Сядятся косы длинные чесать;

Расплывчатые тени великанов
Беспечно бродят в сумрачном лесу,
И эльфы из фарфоровых стаканов
На проводах ночную пьют росу.

И нам в любое счастье верить можно,
Как будто в этот безмятежный час
От суеты и от печали ложной
Сама природа охраняет нас.

1941, май.

СОСНЫ У КИРКА-МУОЛА

Нагретый вереск пахнет душно, пряно,
Кустам и травам шевельнуться лень,
И строевые сосны на поляны
Роняют снисходительную тень.

Парят, плывут их дымчатые кроны
Средь облаков, в просторах голубых,
И желтые скрипучие колонны
Обузой лишней кажутся для них.

Пусть топоры вонзятся в эти сосны, —
Они не упадут, не загрустят,
Не склонятся пред сталью смертоносной,
А прямо к солнцу птицами взлетят.

1946

ТИШИНА

На осеннем рассвете петух прокричал,
Прогудели вдали поезда,
Расклубился туман, и скрипучий причал
На реке раскачала вода.

И живая задумчивая тишина
Залегла у подножья холмов,
И земля плодородным покоем полна,
Ей не надо возвышенных слов.

Помолчи. Пусть поет за тебя тишина,
Пусть листвою шелестит на пути,
Пусть неслышно заронится в душу она,
Чтобы песней живой прорасти.

1953

ПОД РАДУГОЙ

«Сама весна бредет с тобою рядом
То в дождевой, то в солнечной пыли,
И возникает радуга над садом,
Где яблони сегодня зацвели.

Сложи подзорной трубкою ладони,
Смотри и верь хоть краешком души,
Что там Весна на голубом картоне
Цветные пробует карандаши.

Всего мне мало...

Пусть в мгновение это
Все семь цветов я вижу без труда,
Но все ж невольно жду восьмого цвета,
Который в детстве снился иногда.

1941, май.

ВЬЮГА

Кто-то лапкой скребется в окошко,.
Кто-то плачет за нашим окном, —
Как озябшая белая кошка,
Вьюга жалобно просится в дом.

Голосок ее тонок и грустен.
Пожалеем ее, хоть на час
Дверь откроем — и в комнату впустим
Пусть прогреется вьюга у нас.

1957

СЕРЕДИНА МАРТА

Ходит, в высоту подброшенное,
Облачко над головой;
Как ботинки неразношенные,
Снег скрипит на мостовой.

День такой сегодня новенький,
Он чему-то очень рад,
И сосульки, как морковинки,
Соблазнительно висят.

И по взгорью к лесу синему
Путь-дорога пролегла,
Холодна еще по-зимнему,
Да по-вешнему светла.

1960

ДЕРЕВЬЯ

Как древние добрые боги,
Забывшие святость свою,
Деревья стоят у дороги
В косматом веселом строю.

Хмельная их радует вьюга,
Они враспьяную пьяны.
Стоят они друг против друга,
Дорогою разделены.

Им любо под ветром качаться,
Они в серебре, в январе
Местами хотят обменяться,
Как в пляске, как в детской игре.

Застигнутый ветра порывом,
Прищурюсь, зажмурюсь, — и тут
Они в беспорядке счастливом
Друг другу навстречу шагнут.

Открою глаза — и в тревоге
Очнусь на полянке лесной, —
И нет ни канав, ни дороги,
Один только лес предо мной.

1959

ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ

Дождя серебряные молоточки
Весеннюю выстукивают землю,
Как миллион веселых докторов.

И мир им отвечает: «Я здоров!»

1948

ОТДЫХ В ДОРОГЕ

На вешний луг прилягу за холмами;
Раскинув руки, гляну в облака —
И, как живые крылья, за плечами
Лежит земля, огромна и легка.

И на зеленых крыльях
в полдень мая
Над радостной и светлой глубиной
Несет меня земля моя родная,
И солнце пламенеет — подо мной.

1953

ОСЕННИЙ МЫС

Без шуб зеленых и зеленых шапок
Кусты сбежались на сырой мысок.
Как отпечатки легких птичьих лапок,
Тень веточек ложится на песок.

В глубинах вянут водорослей пряди,
А вдоль мыска, дрожа от ветерка,
Все вяжут, вяжут на озерной глади
Петлистый невод спицы тростника.

1960

ЩУКА

Во тьму, на дно речного омуты,
Где щука старая живет,
Засасывает листьев золото
Задумчивый водоворот.

Плывут все новые и новые
И погружаются на дно,
Березовые ли, кленовые, —
Водовороту все равно.

А ночь осенняя, пустынная,
Приходит, — и из трав густых
Со дна всплывает щука длинная
Вся в листьях ржаво-золотых.

Ей снова молодость мерещится,
Она, пьянея тишиной,
Как рыжая русалка плещется
Под фосфорической луной.

1946

РАССВЕТНОЕ ОДИНОЧЕСТВО

Не ревнуй меня к одиночеству,
Этой ревности не пойму.
Иногда человеку хочется
Одному побыть, одному.

Не от грусти, не от усталости,
Просто так — одному побыть.
Не сердись на меня, пожалуйста,
Что невежлив я, может быть.

Не кори, что порой рассветною,
В ясной утренней тишине,
С рощей, с тропкой едва заметною.
Я встречаюсь наедине.

И, шагая в утреннем свете, я
Вижу, счастлив и одинок,
То, чего бы ни с кем на свете я
Увидать бы вдвоем не смог.

Нет, отшельничества не жажду я,
Не бегу от света во тьму.
Иногда ведь хочется каждому
С миром встретиться одному.

1958

ВЕСЕННЯЯ НОЧЬ

Холодно вато пахнет мята,
Деревья клонятся ко сну,
И ночь на краешек заката
Плывет, как щука на блесну.

И в линию одну во мраке
Слились окрестные леса,
Созвездий огненные знаки
Вмонтированы в небеса.

Сова, владычица ночная,
Летит, хвостом своим руля, —
И спит, цены себе не зная,
Умаявшаяся земля.

Ни шелеста, ни взлета ветра,
Недвижны иглы на сосне,
Лишь вздрагивает чуть заметно
Трава, растущая во сне.

1958

ГОРОДСКОЙ САД

Осенний дождь — вторые сутки кряду,
И, заключенный в правильный квадрат,
То мечется и рвется за ограду,
То молчаливо облетает сад.

Среди высоких городских строений,
Над ворохами жухлого листа
Все целомудренней и откровенней
Деревьев проступает нагота.

Как молода осенняя природа!
Средь мокрых тротуаров и камней
Какая непритворная свобода,
Какая грусть, какая щедрость в ней!

Ей все впервой, все у нее — вначале,
Она не вспомнит про ушедший час, —
И счастлива она в своей печали,
И ничего не надо ей от нас.

1960

НА ШОССЕ

Густые, как черная копоть,
Ворочались тучи во мгле,
И молнии огненный коготь
Кого-то искал на земле.

Но, грохнув, ударив и трахнув,
Отходит от города гром,
И тень проводов телеграфных
Ложится на мокрый гудрон.

И город за путепроводом —
Как будто оклеен слюдой,
Блестит, освещенный восходом,
Омытый небесной водой.

А там далеко, над холмами,
По небу плывут корабли
И красными бьют гарпунами
В покатуя спину земли.

1960

7

СИГНАЛЬНЫЙ ОГОНЬ

Он в тумане чуть виден глазу,
Он мигает издалека.
Как бы ночь опустела сразу,
Если б не было огонька!

А ему на прибрежной круче
До утра гореть напролет.
Кто вождению судов обучен,
Тот увидит и все поймет.

Впереди — кремнистая отмель
И наносы дельты речной...
Сколько душ он у смерти отнял,
Этот тихий огонь ночной!

К электрическим ясным зорям,
К светом залитым городам
Курс прокладывается в море,
По едва приметным огням.

1957

ИСКРА И КАПЛЯ

Рыбак у моря жжет костер,
Вода о камни бьет.
У капли с искрой вышел спор —
Чей благородней род.

И продолжался б дотемна
Напрасный разговор:
— Я морем этим рождена!
— Меня родил костер!

Рыбак всегда был прав и пьян,
И молвил он, подняв стакан:
— Есть выше похвала:
Ты — породила Океан,
А ты — Огонь зажгла!

1957

НА ЗАЛИВЕ

Когда-нибудь все позабуду,
Но это останется вам:
Рассвет, будто тихое чудо,
Ступает по тихим волнам.

И сосенок тени, как лыжни,
От рощицы наискосок
На берег легли неподвижно,
Впечатались в белый песок.

Камней добродушные глыбы —
В ночных бородавках росы,
И пахнет непойманной рыбой
Вода у песчаной косы.

1960

ОДИН ЧЕЛОВЕК

Один человек мною примечен.
В залив выезжает он каждый вечер.

Он лодку ведет от речного устья,
Он смотрит на воду с тайной грустью.

И чайка, летящая над камышами,
Что-то кричит, его утешая.

Он тихо гребет к заливу, к заливу;
Вода расступается молчаливо.

Ни всплеска весла, ни скрипа уключин,
У лодки ход, как во сне, беззвучен.

Потом он тихо опустит весла —
Сидит, — и вьется дым папиросный.

Чего он ждет в тишине залива —
Какого чуда, какого дива?

Зачем не спешит он к устью речному,
К вечернему крову, к тихому дому?

Неужто ждет он, неужто верит,
Что с кем-то вдвоем вернется на берег?

Залив расступается шире, шире,
Стоят маяки в бессонном дозоре. .

Кого потерял он в огромном мире,
Кого потерял он в осеннем море?

М О Р Е

Она стоит в вагонном коридоре.
Никак не оторвется от окна.
Она впервые нынче видит море,
Обрадована им, изумлена.

А у меня все это уж бывало;
Я видел бури четырех морей,
Валов зеленоватые обвалы
И сетчатую пену у камней.

Но нежности бесхитростная сила
Нахлынула, нежданна и светла,
И прежние открытья отменила,
И новый счет явлениям повела.

И рядом с ней,
                        как в юности бывало,
Стою, смотрю, не отрывая глаз,
На волн зеленоватые обвалы,
Как будто их увидел в первый раз,

.

Как будто здесь, в вагонном коридоре,
У солнцем озаренного окна,
Огромное невиданное море
Мне подарила запросто она.

1955

ОТВЕТ МОЛЧАНЫЕМ

Когда ты в ответ промолчала,
Умолкли земля и вода,
Последний корабль от причала
Ушел неизвестно куда.

Беззвезден стал мир, безвоздушен,
Заброшен, забыт, нелюдим.
На всем побережье, на суше
Я был совершенно один, —

Один, как фонарик во мраке,
Один, как в пустыне река,
Как номер на денежном знаке,
Которому нет двойника.

Я думал:

скажи мне хоть слово

Хотя бы не ради меня, —

Чтоб мир этот ожил, чтоб снова

В нем место нашлось для огня.

Для солнца ответь и для тучи,

Для моря и для корабля,

Ответь, чтоб звездою падучей

Не канула в пропасть Земля!

В ОГОНЬ И В ВОДУ

Бывало — в зной, бывало — в непогоду
У девичьего стаивал окна,
Был за нее готов в огонь и в воду.
Теперь он муж, она теперь жена.

Теперь она сама под вечер ходит
К далекому колодцу за водой,
Она сама огонь в печи разводит,
А дни идут обычной чередой.

Теперь он ценит личную свободу,
По праздникам не дарит ей цветов.
А что случись — так и в огонь и в воду
Он за нее по-прежнему готов.

**А что случись — он на защиту встанет,
Беде навстречу выйдет на порог,
Не бросит в трудный час и не обманет, —
Но только нет причины для тревог.**

**Вот так под серым пеплом бархатистым
Что с каждым часом все темней, смуглей,
Еще сияют угли светом чистым, —
Да ветра нет, чтоб пепел сдуть с углей.**

ПРОСТРАНСТВО

В маленькой гостинице районной
В среднеазиатском городке
Я тебя припомнил удивленно,
Замер с папиросою в руке.

Ты мне неожиданно предстала
В памяти, в осенней тишине,
Той, какой ты быть не перестала,
Той, какой ты всех дороже мне.

Так я долго жил с тобою рядом,
Что едва тебя не позабыл.
Иногда расстаться людям надо,
Чтобы им простор глаза открыл.

Пусть по справедливости воспеты
Грусть разлук, печаль их и тоска, —
Но любви счастливые приметы
Иногда видней издалека.

1958

НА ОСЕННЕМ РАССВЕТЕ

На осеннем рассвете в туман ковыляет дорога,
Оловянные лужи мерцают у дачных оград,
Над опавшей осиной мигает звезда-недотрога,
И на темных кустах полотенца тумана висят.

Как грустна и просторна земля на осеннем
рассвете!
Сам не верю сейчас, в этой сонной предутренней
мгле,
Что нашел я тебя на такой необъятной планете,
Что вдвоем мы идем по прекрасной осенней
земле.

1957

С О Д Е Р Ж А Н И Е

1

Камни под асфальтом	3
Родной берег	7
Люблю корабли	9
Балтика	11
Безымянный буксир	13
Посвящается Попову	16
К Венере	19
Природа	21
Реактивный полет	23

2

Старый журавль	25
Забывтый колодец	28
Лесной пожар	30
Водоем справедливости	32
Памяти Архимеда	35
Собор Святого Витта в Праге	38
Вечные бури	41
Рядом с небом	43

3

Без украшений	45
Техника	47

Первый мост	49
За поворотом	52
Свалка	54
Стол находок	56
Отражение в реке	58
Лирика	59
В этом веке	61
Поэзия	63
Листок	65
Отпечатки на угле	67
У истока	69
Гордыня	71

4

Слова	73
Счастье	76
Товарищу	78
Смелость	80
Мы явлениям, и рекам, и звездам даем имена	82
Города — продолжение природы	83
Шквал	85
Подсолнечник	87
Дорожный сосед	90
Выбор ветра	92
Охотник	93
Аму-Дарья	97
Колодцы пустыни	99

Вторая порция	101
Красота пожилых	103
Невзгоды	105
Бессмертие	106
Вещи	108
Два человека	110
Слезы	112

5

Шиповник	113
Выпускающий птиц	115
Ленинградские девушки	118
Каска	121
Голуби над элеватором	123
22 июня	124
... Мы знаем, как воет сталь и тротил... .	126
Зеленострой	127
Горный мираж	129
В океане	132
О мире	134
Милосердие	135
Высокое равенство	137

6

Сторона отправления	139
Сибирские реки	141
Вторая память	143
Звезда	145

Предгрозые	147
Короткая гроза	148
Листопад на реке	150
Летние ночи	151
Сосны у Кирка-Муола	153
Тишина	154
Под радугой	155
Вьюга	156
Середина марта	157
Деревья	158
Весенний дождь	160
Отдых в дороге	161
Осенний мыс	162
Шука	163
Рассветное одиночество	165
Весенняя ночь	167
Городской сад	169
На шоссе	171

7

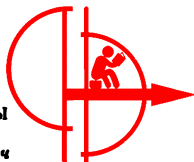
Сигнальный огонь	173
Искра и капля	175
На заливе	176
Один человек	177
Море	179
Ответ молчаньем	181
В огонь и в воду	183
Пространство	185
На осеннем рассвете	187

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Присылайте нам ваши отзывы о прочитанных вами книгах и пожелания об их содержании и оформлении.

Укажите свой точный адрес и возраст.

Пишите по адресу: Ленинград, Д-187, наб. Кутузова, 6. Дом детской книги Детгиза.

ДЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

Шефнер Вадим Сергеевич

РЯДОМ С НЕБОМ

Ответственный редактор Г. В. Антонова. Художник-редактор Ю. Н. Киселев. Технический редактор П. Л. Трусова. Корректоры Л. К. Малявко и К. Д. Немковская.

Подписано к набору 23/III 1962 г. Подписано к печати 19/VI 1962 г. Формат $84 \times 108^{1/4}$. Печ. л. 3. Усл. печ. л. 5,04. Уч.-изд. л. 3,21. Заказ № 606. Тираж 100 000 (1—60 000) экз. ТП-1962 № 354. М-08375. Цена 35 коп. Ленинградское отделение Детгиза. Ленинград, Д-187, наб. Кутузова, 6.

2-я фабрика детской книги Детгиза Министерства просвещения РСФСР. Ленинград, 2-я Советская, 7.

1874

ВАДИМ
ШЕФНЕР

РЯДОМ
С НЕБОМ

ДЕТГИЗ
1962

ШЕФНЕР